

ДУЭЛЬ

Новое издание поэмы о гибели М. Ю. Лермонтова

Ставропольское книжное издательство недавно выпустило в свет новое издание повести в стихах Павла Алдахина «Дуэль», посвященной изображению трагической гибели М. Ю. Лермонтова. История последней дуэли великого русского поэта — одна из самых мрачных и потрясающих страниц русской классической литературы. Долгое время она была окружена ореолом таинственности и загадочности. Общеизвестно, что на протяжении почти тридцати лет после страшной трагедии, разыгравшейся у подножья Машука, участники дуэли хранили упорное молчание. Только в 1872 году один из секундантов А. И. Васильчиков нарушил этот заговор молчания и на страницах журнала «Русский архив» опубликовал статью «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым». Эта статья, а затем рассказ того же Васильчикова П. А. Висковатову — вот и все, чем на протяжении ряда десятилетий пользовались биографы поэта при описании его дуэли и смерти.

Это обстоятельство было умело использовано многочисленными врагами поэта из среды той

великосветской челяди, которая окружала Николая I. Достаточно вспомнить «Воспоминания» графа В. А. Сологуба и его же, написанную по прямому заданию великой княгини Марии Николаевны, пасквильную повесть «Большой свет», «Записки» Е. А. Хвостовой (урожденной Сушковой), в молодости ущемленной поэтом в своем женском самолюбии, к тому же тесно связанной по мужу с окружением канцлера К. В. Нессельроде, гонителя Пушкина и Лермонтова, в особенности во время судебного разбирательства дуэли последнего с де-Барантем. Недалеко ушел от Сологуба и Хвостовой П. П. Вяземский, женатый на М. А. Столыпина, сестре камер-юнкера Н. А. Столыпина, известного своим неприкрыто враждебным отношением к Пушкину. Литературная мистификация Вяземского «Письма и записки Омер де Гель» долго вводила в заблуждение многих биографов Лермонтова. Мы не говорим уже о графе Рассильоне или убийце поэта Н. С. Мартынове и их подголосках — их воспоминания полны злобных вымыслов и искажений по адресу великого поэта. Все эти люди стремились представить Лермонтова; «заносчивым» и «дерзким» выскочкой для того, чтобы

представить единственной причиной гибели Лермонтова его скверный характер.

Советское лермонтоведение провело значительную работу по восстановлению подлинного, очищенного от клеветнических наслоений образ; великого русского поэта, разобралась в его окружении, по новому осветило обстоятельства его гибели. В 1939 году В. С. Нечаева опубликовала «Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного от деления о предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника Васильчикова за учиненную первым с поручиком Лермонтовым дуэль, от чего Лермонтов помер». I

В 1945 году Б. И. Кандиев напечатал документы о последней дуэли Лермонтова, обнаруженные в Ставропольском краевом государственном архиве. В следующем году С. П. Шиловцев выступил с имеющим важное значение для восстановления подлинной картины гибели поэта исследованием «Рана Лермонтова». Много нового и ценного для изучения и правильного освещения причин и условий, в которых проходила дуэль Лермонтова с

глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог! Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок — меня давят такие целостные полные натуры, я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества...» Вот где настоящая поэзия! Мы твердо уверены, что это письмо Белинского не нуждается в никаких рифмованных переложениях.

Мы не случайно сделали это сопоставление, ибо центр тяжести каждого художественного исторического произведения лежит не в изображении второстепенных персонажей, а во всестороннем раскрытии средствами поэтического мастерства тех крупных исторических лиц, которых поэт поставил в центре своего повествования.

Советские люди хорошо знают и любят стихи и поэмы Лермонтова, в нашем сознании прочно живет образ пламенного поэта, сильного и гордого человека, который никогда не мирился с рабством, который смело бросал вызов небу и земным царям. А в поэме Алдахина Лермонтов говорит холодным, безжизненным языком:

— Да, Лорер,
тишина в природе,
Ни набата нигде,
ни пожара

И
печальные мысли
приходят:
Что за грустную песнь
Вы поете,
Колотушки ночной
удары?
Слышишь?
Это о спящем народе
Сонный сторож песню
выводит...

Автор поэмы «Дуэль», по-видимому, чувствует бледность и невыразительность языка героя. Вот почему Алдахин довольно часто прибегает к пересказу широко известных произведений поэта:

Изгнанник он,
но с русскою душою,
или:
Готов он
хоть на край уехать
мира,
От глаз всевидящих,
всеслышащих ушей.
От грязно-голубых
мундиров.

Однако никакого эффекта, кроме отрицательного, от этого сухого, лишённого горения и чувства пересказа не получается.

Не помогает Алдахину и вкрапливание в собственные стихи пламенных лермонтовских строк: в общем контексте поэмы они выглядят ино-родным телом.

Степью необозримой
Едет карета-возок:
вот и образ —
«Дубовый листок
Оторвался от ветки
родимой».

Отчего же все это происходит? Почему образ Лермонтова не удался Алдахину? Все это происходит потому, что молодой поэт не вжился в образ своего героя, не дал себе труда вникнуть в его внутреннюю сущность, перенестись в его эпоху, усвоить себе его интересы, слить хотя бы на минуту свои стремления с его стремлениями. Не чувствуется в поэме Алдахина ни горячей симпатии, ни страстной любви к Лермонтову. «Что вошло,— писал Белинский,— запало в душу, то само собою проявится во сне. Когда человек сильно потрясен страстью, исключительно потрясен одной мыслью,— все, о чем он думает днем, повторяется у него в снах. Пусть же творчество будет прекрасным сном, в роскошных видениях своих повторяющим святые думы и благородные симпатии художника!»

Поэма Алдахина суха, рассудочна, риторична.

Вызывают возражение ряд эпизодов поэмы, где вымысел художника приходит в резкое противоречие с общеизвестными фактами из жизни и творчества Лермонтова. «Великий писатель земли русской»

Л. Н. Толстой говорил: «Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности». У Алдахина много таких отступлений от действительности. Так, сформированная Руфином Дороховым беззаветная команда, которой одно время в Чечне командовал Лермонтов, оказывается на отдыхе в Пятигорске. И это в то время, когда у ворот садов и скверов висели печальной памяти таблички: «Собакам и нижним чинам вход воспрещается». Явно надумана «творческая история стихотворения «Сон», которую Алдахин связывает с Пятигорском. Меж тем, еще в конце XIX века А. Бежецким и Г. К. Градовским было установлено, что в основу этого стихотворения положен рассказ офицера генерального штаба Шульца, слышанный поэтом в Ставрополе в приемной генерала Граббе.

Бледно и риторично нарисован центральный эпизод поэмы — дуэль Лермонтова с Мартыновым. И здесь Алдахин приходит в противоречие с новейшими данными о гибели поэта:

*Дуло вверх направляет
рука
В грозное шквальное
небо.*

Но Лермонтов предупредил, что не будет

стрелять в Мартынова. Последний выстрелил в упор в своего противника. Тяжело раненный (а не убитый наповал, как об этом говорится в поэме Алдахина) Лермонтов упал на землю. Разразилась страшная гроза. Мартынов и секунданты уехали в город. Всеми покинутый, смертельно раненный поэт, еще живой, истекая кровью, пролежал четыре часа под бешеным грозовым ливнем. Наконец прибыли дроги, Лермонтова положили на них. На полдороге в город поэт скончался. Но обо всем этом в поэме ни слова...

Не радуют и образы второстепенных персонажей. Многие из них, как например Глебов, Столыпин, Назимов, только названы, другие изображены слишком прямолинейно и схематично. Таковы генеральша Мерлини, жандармский подполковник Кувшинников. Враги поэта были гораздо умнее, опаснее и злее, чем это» кажется Алдахину.

Поражает небрежность в работе автора над стихом. В книге много реминисценций, а то и прямых заимствований из поэмы А. Блока «Возмездие» (Родина! Тяжелое столетье, мрачные години лихолетья — девятнадцатый суровый век...), из стихов А. Суркова (снеговая крупка) и других поэтов. Ряд стихов

поражает своей банальностью и примитивизмом:

*Крепостица Егорьевск.
Дохнут мухи —
Скука...
Создал же господь
дыру!
или:
Кувшинников
взглядом долгим
Следит,
чтоб спокойно
было,
Доволен
исполненным долгом,
Сияет
Кувшинное рыло.*

Совершенно отсутствует работа автора над рифмой. Очень часто встречаются рифмы, вроде следующих: ответа — карета, колеса — вопросы, трава — голова, царь — алтарь, слезы — колеса (?!), зыбке — улыбке, глазах — волосах, скуки — руки, груди — впереди, блага — бумага, ключей — ручей, порск — Пятигорск и т. д. и т. п., без конца.

Сплошь и рядом Алдахину изменяет чувство языка. «Плывут прелестницы большого света... Рычит оркестр, как разъяренный зверь»...» Интересно, какой танец в первой половине прошлого столетия могли исполнять прелестницы большого света под ревущий зверем оркестр? «Из-под ноги гольш сорвался с хрустом». Что это за хрустящие гольши? Как известно, хруст — это треск чего-нибудь хрупкого, ломающегося. Гольш —

круглый, крепкий камень. «Видим мы — исполнен злобы низкий царский росчерк: «Исключить из списков Тенгинского пехотного полка...» Неужели автору поэмы неизвестно, что росчерком называется украшающий придаток в последней букве чьей-нибудь собственноручной подписи. По-видимому, Алдахин спутал почерк с росчерком. Такие примеры при желании можно умножить.

Все эти недостатки имели место и в первом издании книги, вышедшем еще в 1954 году. На них было указано во время публичного обсуждения повести в стихах «Дуэль» в Ставропольском краевом отделении Союза писателей в 1955 году, где, кстати сказать, присутствовали руководящие работники Краевого книжного издательства. Но ни автор книги П. Алдахин, ни редактор Н. В. Капиева, ни работники Ставропольского книжного издательства не сочли нужным прислушаться к голосу критики. Новое издание книги не только повторило недостатки первого издания, но и умножило их.

Во втором издании поэмы автор ввел новую главу (VII), в которой произвольно отнес свидетельницу последних дней Лермонтова падчерицу генерала Верзилина Эмилию Александровну

Крингенберг, впоследствии вышедшую замуж за друга и родственника поэта А. П. Шан-Гирея, в лагерь зачатых врагов автора «Демона». Вопреки всем известным фактам, у Алдахина Эмилия Александровна выступает в роли одного из организаторов гибели поэта.

Вот почему перечитывая новое издание повести в стихах Алдахина «Дуэль», невольно вспоминаешь горькие стихи юного Лермонтова:

*Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был
веками,
Что вдохновенного
труда
Мир не обидит
клеветами...*

Выход в свет нового издания «Дуэли» Алдахина со старыми ошибками — наглядный и убедительный: пример недобросовестного отношения редактора и издательства к удовлетворению духовных запросов советского читателя.